

Света Калниня

Тяжёлый свет

Света Калнина

Тяжёлый свет

<https://litres.ru/74612914>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Тяжёлый свет» — повесть о том, как деревня держится на краю зимы и отчаяния.

Суровая стужа, эпидемия, нехватка еды — беда стягивает вокруг людей тугую петлю, но они не разбегаются по избам, а учатся держаться вместе. Радио становится тонкой ниточкой к большому миру, костёр — сигналом, что они ещё здесь, а простые дела — способом не сломаться. Цена выживания высока: не все дойдут до весны. Но там, где гаснет надежда, загорается тяжёлый свет — свет памяти, верности и общего труда. Это история не о чуде, а о стойкости, которая рождается в тишине, в шаге рядом с соседом, в молчаливом поклоне у межи.

О времени действия:

Это условное, «внеисторическое» время — похоже на позднюю советскую эпоху или её отголосок: в домах есть радио, связь с «большим миром» идёт через сводки и узлы связи, быт — деревенский, простой, без современных гаджетов. Нет точных дат: это история про испытание и стойкость, которая могла случиться в разные десятилетия XX века — и всё равно остаться правдивой.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Света Калниня

Тяжёлый свет

Глава 1

Солнце ещё не поднялось над лесом, но небо уже посветлело, и по траве стелился белёсый туман, будто деревня пряталась в нём, не желая встречать новый день. Молодая семья — Степан, Марья и годовалый Ванька — ехали на скрипучей телеге по узкой дороге, что вилась между ржаных полей. Степан сжимал вожжи так крепко, что побелели костяшки пальцев. Марья прижимала к груди свёрток с ребёнком и смотрела вперёд, будто пыталась разглядеть в серой дымке не просто избы, а свою будущую жизнь.

Они переезжали в деревню Берёзовку, где Степану достался от дяди дом — старый, но крепкий, с потемневшими брёвнами и крышей, поросшей мхом. Для них это была надежда: свой угол, земля, возможность встать на ноги. Но ещё на подъезде к околице Степан заметил, что дорога будто нарочно уходит в сторону, огибая край поля, и телега трясётся сильнее, когда колёса задевают высокую траву.

— Смотри, — тихо сказала Марья, кивнув на колышек у обочины, едва видный в предрассветной мгле. — Вроде как межа.

Степан нахмурился. Он знал про эту межу. Ещё в детстве слышал от стариков, что Берёзовка и соседняя деревня, Осиновка, годами спорят из-за полоски земли вдоль дороги. Говорили, что когда-то волостной писарь ошибся в бумаге, и теперь каждый считал этот кусок своим. Но Степан гнал эти мысли прочь: ему нужен был дом, а не чужие распри.

Телега въехала в деревню. У колодца стояли две женщины с вёдрами. Они замолчали, когда увидели чужаков, и переглянулись так, что у Марьи похолодело внутри. Одна из женщин — старая, с жёстким лицом и платком, туго повязанным под подбородком, — проговорила громко, будто для всей деревни:

— А, вот и новые жильцы. Что ж, добро пожаловать... да только глядите, не заезжайте колёсами на чужую землю. Межа тут строгая.

Степан натянул вожжи, телега остановилась. Он хотел ответить спокойно, по-хорошему, но в горле встал ком.

— Спасибо за предупреждение, — сказал он, стараясь говорить ровно. — Мы люди мирные. Нам бы только обустроиться.

Женщина хмыкнула, будто не поверила ни единому слову, и, подхватив вёдра, пошла прочь, оставив после себя тишину, которая казалась тяжелее любого крика.

Дом стоял на краю деревни, почти у самой опушки. Когда Степан спрыгнул с телеги и распахнул скрипучую калитку, Марья впервые за день выдохнула. Здесь было тихо, пахло

сухой травой и смолой, и казалось, что хотя бы за этим забором их ждёт покой. Они разгрузили вещи, уложили Ваньку на лавку, укрыли его старым одеялом. Степан вышел во двор, чтобы осмотреть огород, и сразу наткнулся взглядом на тот самый колышек, едва торчавший из земли у края межи. Полоска земли между их домом и лесом была узкой, но спорной.

К полудню к забору подошёл сосед — высокий, жилистый мужик с тяжёлым взглядом, которого в деревне звали просто по отчеству: Петрович. Он оперся на жердь и сказал без предисловий:

— Ты, парень, гляди. Эта земля — наша. Испокон веков тут косили. Не надо тут ничего трогать, не надо тут хозяйничать.

Степан почувствовал, как внутри поднимается злость, смешанная с обидой.

— Да я и не собираюсь, — ответил он, сдерживая голос. — Мне бы свой двор привести в порядок.

Петрович прищурился, будто пытался разглядеть в Степане неправду.

— В Берёзовке чужих не любят, — проговорил он наконец. — А особенно тех, кто лезет на спорную землю. Так что помни: межа — это не просто палка в земле. Это граница. И её тут все чтут.

С этими словами он развернулся и ушёл, оставив Степана одного стоять у забора, чувствуя, как земля под ногами ста-

новится не опорой, а ловушкой.

Вечером, когда над деревней повисли сиреневые сумерки, Марья тихо сказала, обнимая Степана за плечи:

— Может, зря мы приехали? Тут будто всё против нас.

Степан обнял её в ответ, хотя сам не знал, что ответить.

— Мы здесь чужие, — проговорил он медленно, словно пробуя слова на вкус. — Но это не значит, что мы должны быть врагами. Просто нужно время. Нужно, чтобы люди увидели: мы не хотим ничьей земли. Мы хотим просто жить.

Но в ту ночь, лёжа на жёсткой постели и слушая, как за стеной тихо посапывает Ванька, Степан вдруг понял, что время здесь течёт иначе. Оно не лечит, не сглаживает углы, а только затягивает узел. И этот узел — межа, спор, недоверие — был старше их всех. Он был частью самой деревни, её дыханием, её памятью.

А на следующее утро, когда Степан вышел во двор, он увидел, что колышек, отмечавший межу, был выдернут и брошен в траву, будто его никогда и не было. Но вместо него у забора торчал новый — толстый, крепко вбитый, с зарубками, которые словно кричали: «Здесь граница. Не переходи».

Так начался их круг. Каждый шаг вперёд тут же оборачивался шагом назад, каждое доброе намерение встречало насторожённость, а любая попытка объясниться казалась вызовом. Деревня жила по своим законам, и эти законы были старше любой бумаги, старше любого человека. Они сплета-

лись в тугую петлю, и вырваться из неё казалось невозможным.

Но Степан и Марья не знали ещё одного: петля эта была не только вокруг деревни. Она была вокруг каждого, кто жил здесь. И, возможно, именно потому, что они были чужими, у них оставался крошечный шанс увидеть её целиком — и найти в ней выход.

Глава 2

Утро выдалось злым: небо висело низко, серое, будто прижатое к крышам, и воздух был сырым и тяжёлым, как перед затяжным дождём. Степан вышел во двор, не дожидаясь солнца, и первым делом глянул туда, где вчера валялся выдернутый колышек. Его не было. Зато новый, тот самый — толстый, с зарубками, — стоял ровно, будто врос в землю, и тень от него падала прямо на их огород.

Степан стиснул кулаки. Хотелось выдернуть эту палку, швырнуть её в овраг, чтобы никто больше не тыкал в неё пальцем и не говорил: «Граница». Но он знал: сделай он так — и деревня не простит. Для них это не просто палка. Это знак: «Ты здесь лишний».

В доме тихо плакала Ванька. Марья качала его, прижимая к груди, и лицо у неё было усталое, будто она не спала всю ночь.

— Не ходи сегодня к лесу, — тихо сказала она, не глядя на Степана. — Пусть хоть день пройдёт спокойно.

Он хотел ответить, что не собирается ни с кем воевать, но слова застряли в горле. Потому что война уже шла — только не с саблями и ружьями, а с взглядами, молчанием, тяжёлыми дверями, которые хлопали чуть громче, стоило ему пройти мимо.

Степан взял топор и пошёл колоть дрова — не потому что

их не хватало, а чтобы руки были заняты, чтобы злость не копилась внутри, как пар в закрытой печи. Он рубил, чувствуя, как каждый удар отдаётся в плечах, и старался не смотреть на забор, на этот проклятый колышек.

К полудню у калитки остановилась старуха — та самая, что встретила их у колодца. Она стояла, опираясь на палку, и смотрела так, будто Степан уже что-то украл.

— Ты тут не хозяин, — проговорила она, и голос у неё был сухой, как прошлогодняя солома. — Хозяин тут община. А община говорит: межа там, где она всегда была.

Степан опустил топор, вытер рукавом лоб.

— Я и не спорю, — сказал он, стараясь говорить ровно. — Мне чужого не надо.

Старуха прищурилась, будто проверяла, правду ли он говорит.

— Чужого не надо, а своё не дадут. Так уж у нас заведено. В Берёзовке чужих не жалуют. Особенно тех, кто думает, что можно жить по-своему.

Она повернулась и пошла прочь, а Степан остался стоять с топором в руках, чувствуя, как внутри всё сжимается от бессилия. Он не хотел спорить, не хотел доказывать, что он хороший, честный, что ему просто нужно место, где растить сына. Но деревня не спрашивала, какой он. Она уже решила.

Чуть позже, когда Марья вышла набрать воды, у колодца её встретили молчанием. Женщины, стоявшие с вёдрами, разом замолчали, будто она принесла с собой болезнь. Одна

из них, молодая, с тёмными кругами под глазами, тихо сказала, не поднимая глаз:

— Лучше бы тебе к нам не ходить. Не ровен час, скажут, что ты воду портишь.

Марья побледнела, но не ушла. Она поставила ведро и посмотрела на эту девушку прямо, так, как смотрят, когда терять уже нечего.

— Я никого не обижу, — сказала она тихо, но твёрдо. — Мне бы только воды взять, да домой вернуться. У меня ребёнок маленький.

Девушка на секунду задержала взгляд, будто хотела что-то сказать, но потом только махнула рукой и отошла, оставив Марью одну у колодца, с ведром, которое вдруг стало казаться невыносимо тяжёлым.

Вечером, когда Степан вернулся в дом, Марья сидела у окна, держа на руках Ваньку, и смотрела в темноту, будто ждала, что оттуда выйдет кто-то добрый и скажет: «Всё будет хорошо». Степан сел рядом, положил руку ей на плечо.

— Завтра пойду к старосте, — сказал он. — Пусть объяснит, где наша земля, где чужая. Пусть бумагу покажет. Тогда никто не сможет тыкать пальцем.

Марья покачала головой.

— Бумагу они не любят, — прошептала она. — Для них важнее, что деды делали. А деды эту межу чтили. Ты принесешь бумагу, а они скажут: «Это городская выдумка». И станет только хуже.

Степан сжал зубы. Он понимал, что она права. Но он не мог просто сидеть и ждать, пока деревня сожрёт их молча-нием.

— Тогда я пойду на сход, — сказал он. — Скажу всем: мы не враги. Мы хотим жить мирно. Пусть знают, что мы не прячемся.

Марья закрыла глаза, будто от боли.

— На сходе тебя слушать не будут, — сказала она. — Там говорят только свои. А ты для них чужой.

Но Степан уже принял решение. Он не собирался драться, не собирался кричать. Но он должен был сказать своё слово. Должен был показать, что не боится.

На следующий день Степан пришёл на сход. Изба старосты была полна: мужики стояли у стен, женщины толпились у дверей, все смотрели на него так, будто он пришёл не просить, а требовать. Староста, плотный, седой, с лицом, изрезанным морщинами, поднял руку, призывая к тишине.

— Ну, говори, приезжий, — сказал он не грубо, но и не ласково. — Что тебе нужно?

Степан встал посреди избы, чувствуя, как все взгляды впиваются в него, как иглы.

— Мне нужно знать, где моя земля, — сказал он чётко, стараясь не дрожать голосом. — Где я могу хозяйничать, а где — нет. Хочу жить по закону, по совести.

В избе прокатился тихий гул. Кто-то хмыкнул, кто-то покачал головой. Петрович, стоявший у стены, шагнул вперёд.

— Закон у нас один, — проговорил он, глядя Степану прямо в глаза. — Тот, что деды оставили. А деды говорили: межа там, где она всегда была. И никто её двигать не будет.

Другой мужик, помоложе, с жёстким лицом, добавил:

— А если тебе не нравится, можешь ехать туда, откуда пришёл. Тут своих хватает.

Степан почувствовал, как кровь приливает к лицу, но сдержался. Он не хотел драки. Он хотел понимания.

— Я не хочу двигать межу, — повторил он. — Я хочу знать, где она. Чтобы никто не мог сказать, что я зашёл не туда.

Староста вздохнул, будто устал от этого разговора ещё до того, как он начался.

— Межа там, где её чтут, — сказал он твёрдо. — А чтут её там, где она стоит. И пока община так решила, так и будет.

И тут Степан понял: никакой бумаги, никакого закона тут не будет. Будет только воля общины — жёсткой, непробиваемой, как каменная стена. И если он попробует её сломать, она сломает его.

Он вышел из избы, чувствуя, как холод пробирается под рубаху, хотя день был тёплым. На улице его догнала та самая молодая женщина, что говорила с Марьей у колодца. Она шла быстро, оглядываясь, будто боялась, что её увидят с ним.

— Не лезь ты к ним, — прошептала она, глядя в сторону, чтобы никто не заметил. — Они никого не слушают. Для них

чужой — это враг. Даже если он ничего не сделал.

Степан остановился, посмотрел на неё. В её глазах была не злоба, а усталость — такая же, какую он видел в глазах Марьи.

— А ты сама тут как живёшь? — спросил он тихо.

Женщина горько усмехнулась.

— Живу, — сказала она. — Только не радуюсь. Тут радость быстро топчут.

Она быстро пошла прочь, оставив Степана одного на пыльной улице, среди домов, которые смотрели на него пустыми окнами, будто знали, что скоро он сломается.

Когда он вернулся домой, Марья встретила его у порога, и в её глазах он увидел тот же страх, что терзал и его.

— Всё плохо? — спросила она, хватая его за руку.

Степан обнял её, прижал к себе, чувствуя, как дрожит её тело.

— Плохо, — признался он честно. — Они не хотят нас слышать. Для них мы — чужие. И пока мы чужие, мы всегда будем неправы.

Марья уткнулась ему в плечо, и он почувствовал, как по её щеке катится слеза.

— Тогда давай уедем, — прошептала она. — Пока не поздно. Пока Ванька не начал понимать, что тут его не любят.

Степан закрыл глаза. Мысль об отъезде царапала изнутри. Он не хотел сдаваться. Но он не хотел, чтобы его семья

страдала.

— Ещё день, — сказал он тихо. — Ещё один день. Я попробую поговорить с ними по-другому. Не как с врагами, а как с людьми. Может, хоть кто-то услышит.

Но в глубине души он уже знал: в этой деревне не слышат чужих. Здесь слушают только своих. А они были чужими.

А ночью над деревней поднялся ветер. Он гудел в печных трубах, шевелил солому на крышах и будто шептал: «Круг замыкается. Круг замыкается». И в этом шёпоте Степану чудилось не предупреждение — а приговор.

Степан лежал, не смыкая глаз, прислушиваясь к тому, как ветер бьётся о стены, словно хочет ворваться внутрь и выстудить дом до последней искры тепла. Марья спала, уткнувшись лицом в сгиб локтя, а Ванька тихо посапывал в люльке, и только его спокойное дыхание удерживало Степана от того, чтобы вскочить, схватить котомку и увести семью прочь — хоть в чистое поле, хоть под первый попавшийся стог. Но он не мог. Не потому что гордость не пускала, а потому что бежать означало признать: деревня сильнее их, сильнее самой жизни, которую они пытались здесь выстроить.

Под утро ветер стих так же внезапно, как и поднялся, будто выдохся, растратив всю свою ярость. В наступившей тишине стало слышно, как где-то далеко, за лесом, прокричал первый петух. Степан поднялся, накинул зипун и вышел во двор. Воздух был сырой и колючий, пах мокрой землёй и дымом. И тут он увидел: по всему огороду, там, где ещё вчера

была просто трава, теперь лежали срезанные пучки — грубо, наспех, будто кто-то хотел не собрать, а именно испортить. А на заборе, прямо над калиткой, висела рваная тряпица, завязанная узлом, похожим на петлю.

Сердце у Степана ёкнуло. Это был не просто знак. Это был вызов. Так в деревне предупреждали: «Не лезь».

Он снял тряпицу, скомкал в кулаке и сунул в карман, будто прятал саму угрозу, чтобы Марья не увидела и не испугалась ещё сильнее. Потом обошёл огород, прикидывая, сколько травы успели испортить, и вдруг заметил у межи свежие следы — крупные, мужские, с отчётливым отпечатком подковы на каблуке. Петрович. Или кто-то из его родни.

Когда Марья вышла, держа на руках Ваньку, Степан постарался говорить спокойно, буднично, будто ничего не случилось:

— Пойду к старосте ещё раз. Не просить, не жаловаться — просто скажу: если община считает, что мы нарушили межу, пусть покажут, где она. Пусть все вместе покажут. Чтобы не было кривотолков.

Марья покачала головой, прижимая Ваньку к себе, будто хотела укрыть его от всего, что надвигалось на них.

— Они не станут показывать, — проговорила она тихо, но твёрдо. — Им не нужно, чтобы всё было по правде. Им нужно, чтобы мы чувствовали себя виноватыми. Даже если мы ни в чём не виноваты.

Степан стиснул зубы. Ему хотелось крикнуть, что так

нельзя, что нельзя жить, когда каждый твой шаг заранее считается преступлением. Но вместо этого он только сказал:

— Я должен попробовать. Иначе мы так и будем сидеть здесь, ожидая, когда они решат, что с нами делать.

Он пошёл по деревне, чувствуя на себе взгляды из-за занавесок, из приоткрытых дверей, из-за углов. Казалось, даже собаки лаяли на него не как на чужого, а как на нарушителя порядка. У избы старосты он остановился, глубоко вдохнул и постучал.

Староста вышел, хмурый, в одной рубахе, будто его подняли раньше времени.

— Чего надо? — спросил он без злости, скорее устало, как человек, которому каждый день приходится разбирать одни и те же ссоры.

— Хочу, чтобы община вместе показала, где межа, — сказал Степан, глядя прямо. — Не по бумагам, а по памяти, по приметам. Пусть покажут, а я послушаю. И больше не буду ни на шаг заходить туда, где не положено.

Староста помолчал, потом кивнул куда-то в сторону, за плечо Степана.

— Вон Петрович идёт. С ним и говори. Он эту межу с детства знает.

Петрович и правда шёл по улице, тяжёлый, неторопливый, будто сам был частью этой земли, её каменной границей. Он остановился напротив Степана, скрестил руки на груди.

— Опять ты, — проговорил он, не скрывая раздражения.

— Тебе мало было схода? Мало было сказано?

— Мне нужно понять, — настаивал Степан. — Я не хочу нарушать. Но я не могу жить, когда не знаю, где граница.

— Граница там, где её чтут, — жёстко повторил Петрович, и в этих словах не было ни капли снисхождения. — А чтут её там, где она всегда была. Ты приезжий, тебе не понять.

— А если я научусь понимать? — вдруг вырвалось у Степана. — Если я буду слушать, буду делать, как принято? Разве этого мало, чтобы стать своим?

Петрович усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья.

— Своим не становятся за неделю, — сказал он. — Своим рождаются. А ты родился не здесь. И сколько ни старайся, Берёзовка тебя не примет, пока ты будешь тянуть сюда свои городские привычки и свои городские законы.

Степан почувствовал, как внутри поднимается горячая волна обиды, смешанной с отчаянием. Он хотел сказать, что никаких городских привычек у него нет, что он вырос в такой же деревне, что знает, как пахнет мокрая солома и как тяжело даётся каждый сноп. Но слова застряли в горле, потому что он вдруг понял: дело не в том, что он делает не так. Дело в том, что им просто не нужны новые люди. Чужой — значит лишний. Лишний — значит враг.

Он развернулся и пошёл прочь, не оглядываясь, чувствуя, как с каждым шагом тяжесть в груди становится всё невыно-

симее. И только у своей калитки он остановился, увидев, что Марья стоит у забора, бледная, с широко раскрытыми глазами, а рядом с ней — та самая молодая женщина, что шепнула ему на улице после схода. Она что-то быстро говорила Марье, оглядываясь по сторонам, будто боялась, что их заметят.

Когда женщина увидела Степана, она тут же замолчала и отступила на шаг, будто хотела спрятаться в тени. Но Марья удержала её за рукав.

— Подожди, — сказала она тихо, но настойчиво. — Пусть он услышит.

Женщина посмотрела на Степана, потом снова на Марью, будто решая, стоит ли рисковать.

— Сегодня на общем поле будет покос, — проговорила она наконец, почти шёпотом. — Все выйдут. И Петрович, и староста, и все, кто против вас. Но если ты выйдешь вместе со всеми, если возьмёшь косу и будешь работать наравне, может, они хоть немного увидят в тебе не врага, а мужика.

Степан нахмурился.

— Зачем ты это говоришь? — спросил он, не грубо, но прямо. — Ты ведь знаешь, что они не примут.

Женщина горько усмехнулась.

— Затем, что я сама когда-то была чужой. И знаю, каково это — когда тебя не видят. Может, ничего не изменится. А может, хоть один человек перестанет смотреть на тебя как на помеху.

Она кивнула Марье и быстро пошла прочь, растворяясь в

утреннем тумане, который стелился над полями, будто хотел скрыть её от чужих глаз.

Степан посмотрел на Марию. В её взгляде была не надежда — скорее решимость. Она не верила, что всё станет хорошо, но была готова бороться за каждый маленький шанс.

— Иди на покос, — сказала она, крепче прижимая к себе Ваньку. — Не ради них. Ради нас. Чтобы мы могли сказать: мы сделали всё, что могли.

И Степан понял: она права. Даже если круг не разомкнётся, даже если деревня так и останется глухой стеной, он должен был пройти этот путь до конца. Потому что только так он сможет смотреть в глаза сыну и жене и знать, что не сдался без боя.

На общем поле народ собирался медленно, неохотно, будто каждый шаг давался с трудом. Мужики молча раскладывали косы, проверяли лезвия, переглядывались, но на Степана никто не смотрел. Только Петрович время от времени бросал на него короткие, колющие взгляды, словно примеривался, как лучше поставить его на место.

Степан взял косу, проверил, крепко ли держится рукоять, и встал в ряд, там, где было свободнее, чтобы никому не мешать. Он начал косить, чувствуя, как привычное движение постепенно успокаивает, возвращает ему ощущение себя — не чужака, не просителя, а человека, который умеет работать.

Коса шла ровно, срезая траву с тихим шелестом, и на ка-

кое-то время ему даже показалось, что деревня забыла о нём, растворилась в ритме работы. Но потом он услышал голос Петровича — громкий, властный:

— Эй, приезжий! Не лезь на мою полосу!

Степан замер, опустил косу. Он и правда зашёл чуть дальше, чем собирался, но не нарочно — просто увлёкся, потерял счёт шагам.

— Прости, — сказал он спокойно. — Не хотел.

Но Петрович уже не слушал. Он шагнул ближе, сжимая рукоять своей косы так, что побелели пальцы.

— Тут не про «хотел» или «не хотел», — процедил он сквозь зубы. — Тут про уважение. А уважения у тебя нет.

Вокруг начали собираться люди. Кто-то хмурился, кто-то отводил глаза, но все стояли, ждали, что будет дальше. И в этой тишине, в этом напряжённом ожидании, Степан вдруг понял: это и есть тот самый круг. Каждый раз, когда он пытался сделать шаг вперёд, деревня делала шаг назад, оставляя его одного на пустом месте.

Он медленно положил косу на землю, выпрямился и посмотрел прямо на Петровича.

— Уважение нужно заслужить, — сказал он тихо, но так, чтобы слышали все. — Но чтобы его заслужить, нужно сначала дать человеку шанс. А вы мне шанса не даёте.

В толпе прокатился тихий гул. Кто-то фыркнул, кто-то пробормотал что-то себе под нос. Но никто не возразил громко. Никто не крикнул: «Он прав!» или «Он врёт!». Все

просто стояли и смотрели, будто ждали, что кто-то другой решит за них.

И тут небо, до этого серое и спокойное, вдруг потемнело, и по полю пробежал резкий порыв ветра. Трава легла волнами, и где-то вдалеке прокатился первый раскат грома.

— Дождь будет, — пробормотал кто-то.

— Если не управимся сейчас, сено сгниёт, — добавил другой.

И в этот момент, когда все взгляды невольно метнулись к небу, когда напряжение чуть ослабло, Петрович вдруг опустил косу и посмотрел на Степана не с ненавистью, а с усталой горечью.

— Работай, — буркнул он, отворачиваясь. — Только не лезь на мою полосу.

Степан кивнул, поднял косу и снова начал косить. Но теперь он делал это не для того, чтобы доказать что-то, а просто чтобы успеть. Потому что над деревней уже собирались тяжёлые тучи, и ветер снова шептал своё вечное: «Круг замыкается. Круг замыкается». Только на этот раз в его шёпоте Степану слышалось что-то ещё — не приговор, а предупреждение. И он знал: если они не успеют, если сено сгниёт, деревня не простит никому — ни своим, ни чужим.

А значит, у них оставался только один шанс — работать вместе, хотя бы ради хлеба, который нужно будет есть этой зимой.

Глава 3

Дождь не просто хлынул — он обрушился, будто небо прорвало разом, без предупреждения. Ещё минуту назад над полем висела тяжёлая тишина, и мужики косили, стиснув зубы, стараясь не смотреть друг на друга. А потом воздух дрогнул от первого удара грома, и на землю рухнула стена воды.

Трава, только что срезанная и аккуратно уложенная в валки, мгновенно потемнела, стала тяжёлой, липкой. Степан, не раздумывая, бросился к ближайшему ряду, пытаясь руками сгрести сено в кучу, чтобы хоть как-то укрыть его от ливня. Рядом метался мальчишка, сын Петровича, тоже хватал охапки, тащил к стожку, который только начали складывать.

— Тяни сюда! — крикнул Степан, махнув парню. — Скидывай в середину, хоть верх сухой останется!

Мальчишка кивнул, глаза у него были круглые от страха — не перед грозой, а перед отцом, который сейчас стоял под дождём, раскинув руки, будто хотел заслонить всё поле сразу.

Петрович орал, перекрывая шум ливня:

— Чего стоите?! Собирайте! Если сено сгниёт, зимой скотина будет голодать!

Мужики забегали, хватая мокрые валки, таща их к стогам. Но вода лилась так густо, что сено не успевало даже лечь — оно тут же оседало, превращаясь в скользкие тяжёлые комья.

И тут один из мужиков, рыжий, с вечно недовольным лицом, швырнул охапку на землю и закричал:

— Да что толку?! Всё равно сгниёт! Мы тут бьёмся, а приезжий только путается под ногами!

Он ткнул пальцем в Степана, стоявшего по колено в грязи, с мокрыми волосами, прилипшими ко лбу.

Степан даже не обернулся на оскорбление — он продолжал тащить сено. Но Петрович резко шагнул к рыжему, будто хотел ударить, и рявкнул:

— Заткнись! Сейчас не до твоих обид! Каждый мужик на счету!

Рыжий отшатнулся, но не сдался:

— А чего он тут делает? Приехал, межу переставил, теперь ещё и сено портит!

— Межу он не переставлял! — вдруг выкрикнул мальчишка, сын Петровича. Все на секунду замерли и посмотрели на него. Парень покраснел, но упрямо выпалил: — Я сам видел, как дядя Семён колышек перебил, когда Степан в лес ходил за дровами.

В воздухе повисла тишина, которую разрывал только шум дождя. Петрович медленно повернулся к сыну. Лицо у него потемнело.

— Ты что болтаешь? — прошипел он.

— Правду! — не отступил мальчишка. — Все знают, что Семён хотел Степана выжить. Он ещё на сходе говорил, что чужакам тут не место.

Рыжий мужик попятился, будто хотел слиться с дождём. Кто-то в толпе тихо выругался. А Петрович вдруг обмяк, словно из него выпустили весь гнев. Он посмотрел на Степана — не как на врага, а как на человека, которого несправедливо обвиняли, и который всё равно продолжал работать.

— Тащите к стогу! — снова рявкнул Петрович, но уже не на Степана, а на всех. — Всё, что можете! Хотя что-то надо спасти!

Они работали под ливнем, пока руки не стали деревянными, пока пальцы не перестали чувствовать холод. Сено было мокрым, тяжёлым, оно не хотело ложиться, рассыпалось, скользило. Но они всё равно тащили, складывали, прикрывали чем могли — старыми мешками, рогожами, даже снятыми рубахами.

Когда дождь наконец стих, оставив после себя пар от мокрой земли и запах сырой травы, все стояли, тяжело дыша, глядя на жалкие стога, которые едва ли могли прокормить половину скота в деревне.

Староста подошёл к Петровичу, посмотрел на испорченное сено и тихо сказал:

— Зима будет тяжёлой. Если не найдём сена, придётся резать скотину раньше срока.

Петрович кивнул, не поднимая глаз.

— Знаю.

Староста перевёл взгляд на Степана.

— Ты работал наравне. Это я видел. И многие видели.

Степан хотел сказать, что ему не нужна похвала, что он просто спасал то, что мог спасти для своей семьи. Но слова застряли в горле, потому что он вдруг понял: признание старости — это не милость. Это признание того, что деревня стоит на краю беды, и теперь ей придётся считаться с каждым, кто готов работать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.